

Папа, ты хоть и умер, с тебя взятки гладки, но неужели ты рассчитывал, что я, никчемный сынок, стану разгребать твои авгиевы конюшни?

Е Ци горько усмехнулся и, молча присев на корточках у земли, докурил оставшуюся половину сигареты.

В свое время брак между Е Чуном и Цзян Хуайнин был заключен по расчету.

Цзян Хуайнин была влюблена в другого и вовсе не любила Е Чуна, но Е Чун страстно и безумно любил ее. Плевав на ее сопротивление, он силой привел ее в свой дом.

Жизнь после свадьбы, разумеется, не сложилась так счастливо, как того хотел Е Чун, но он от природы обладал деспотичным характером: раз уж насильно мил не будешь, он все равно решил привязать любимую женщину к себе.

Цзян Хуайнин от изначального равнодушия перешла к открытой неприязни и ненависти.

Спустя год родился Е Ци.

Е Чун искренне надеялся, что этот ребенок растопит сердце Цзян Хуайнин и заставит ее изменить свое мнение, однако всего три дня спустя сломленная Цзян Хуайнин с младенцем на руках поднялась на крышу больницы и пригрозила покончить с собой.

Как бы ни противился Е Чун, ему пришлось отпустить Цзян Хуайнин.

Спустя три месяца после ухода из семьи Е Цзян Хуайнин наконец добилась своего и вышла замуж за свою первую любовь — Сун Юймин. Та пышная свадьба прогремела на всю округу, о ней знал весь город.

Е Чун превратился в посмешище, в абсолютного неудачника.

Брак Цзян Хуайнин и Сун Юймина оказался счастливым, и на следующий год на свет появился Сун Цзыюй.

Этот сводный брат, родившийся всего на пару лет раньше Е Ци, получил такую родительскую любовь, какую Е Ци не довелось познать за всю свою жизнь.

Да и от Е Чуна Е Ци тоже не видел отцовской нежности.

Лицом он вовсе не походил на Цзян Хуайнин: черты его лица и разрез глаз на шесть-семь десятых копировали Е Чуна — с первого взгляда было ясно, что они родные отец и сын.

Цзян Хуайнин не нравилась внешность Е Ци, поэтому она неизменно игнорировала его.

Е Чун же упрямо верил, что именно из-за внешности Е Ци он так и не смог вернуть расположение Цзян Хуайнин.

Все эти двадцать лет отношение Е Чуна к собственному сыну отличалось суровой жестокостью, доходившей едва ли не до безумия.

Пять лет назад, когда Е Ци исполнилось пятнадцать, он уже и сам не помнил, из-за чего именно они поцапались с Сун Цзыюем. Завязалась драка, и в конце концов Сун Цзыюй случайно оступился на лестнице и сломал левую ногу.

В тот же вечер Е Чун, узнав о случившемся, приволок Е Ци прямо в больничную палату. На глазах у Цзян Хуайнин и Сун Юймина он металлической трубой живьем переломал Е Ци левую ногу — испугался даже сам Сун Цзыюй.

Е Ци помнил, что тогда присутствовал и семнадцатилетний Цинь Гуаньлань.

Отец Цинь Гуаньлани работал водителем в семье Сун, а мать скончалась от рака, когда мальчику исполнилось шесть лет.

Сун Юймин оказался хорошим работодателем: он не только одолжил крупную сумму на лечение матери Циня, но после ее смерти забрал осиротевшего Цинь Гуаньлани в особняк семьи Сун, чтобы тому было с кем играть вместе с Сун Цзыюем.

Цинь Гуаньлань и Сун Цзыюй росли бок о бок с малых лет, и их отношения были далеко не простыми. Как там говорится... неразлучные друзья детства, привязанные друг к другу с пеленок.

В юности Е Ци даже пытался вклинить между ними, но теперь вспоминать об этом было по-настоящему смешно: наверняка те двое давным-давно считали его полным дураком.

Стемнело. В траурном зале стояла такая зловещая тишина, что завывания ветра за окном напоминали плач демонов и пробирали до мурашек.

Е Ци вытащил еще одну сигарету и чиркнул зажигалкой, но едва успел затянуться, как зашелся в кашле, из глаз от едкого дыма даже выступили слезы.

Внезапно появился Цзян Сун и выхватил у Е Ци сигарету, которую тот как раз собирался отправить в рот.

Е Ци, я знаю, что твой папаша помер, бизнес обанкротился, да еще и кредиторы на хвосте, на

душе кошки скребут, но не занимайся саморазрушением.

Е Ци:

Черта с два, теперь курить хочется еще сильнее.

Цзян Сун затушил сигарету, бросил ее в урну и попутно обшарил карманы Е Ци, забрав пачку сигарет и зажигалку.

Я тут задержался из-за срочных дел, все уже разошлись?

Угу.

Черт, знал же, что эти предатели присягнут любому ветру.

Бормоча проклятия, Цзян Сун дошел до погребальной таблички Е Чуна, помрачнел лицом и отвесил глубокий поклон.

Покончив с этим, Цзян Сун присел на корточки рядом с Е Ци и хлопнул того по плечу.

С больным сердцем — да за сигареты? Ты, видимо, жить надоело. Только попробуй утащить меня за собой в больницу.

Е Ци прямо на полу уселся, лениво прислонившись спиной к стене.

Не лезь не в свое дело.

Е Ци родился недоношенным, с самого рождения страдал врожденным пороком сердца и отличался слабым здоровьем.

Хотя в детстве ему сделали операцию, риск рецидива сохранялся, особенно учитывая его образ жизни: он курил, выпивал, дрался, ночами напролет зависал в клубах — словом, делал все что душа пожелает, ведь контролировать его было некому.

Цзян Сун опустился рядом на пол, закинул руку на плечо Е Ци, с жалостью погладил его по подбородку, разглядывая бледное из-за хронического отсутствия солнца лицо.

Бедняжка, да теперь кроме братца Цзяна о тебе и позаботиться некому.

Получив оттолкнувший его удар, Цзян Сун снова пошарил по карманам, вытащил банковскую

карту и сунул ее Е Ци.

Ты же знаешь, какая у меня дома обстановка. На этой карте есть немного денег, пускай и не состояние, но пока пользуйся ими.

Е Ци отверг добрые намерения Цзян Хуайнин, но карту Цзян Суна взял.

Спасибо.

Цзян Сун был одним из немногих людей, перед которыми он мог открыть душу.

Недавно Цзян Сун совершил каминг-аут и разругался в пух и прах с семьей. Отец заморозил все его личные счета, так что теперь он перебивался с копейки на копейку и временами сам сидел на шее у Е Ци.

Теперь они оба оказались в одинаково плачевном положении.

Цзян Сун немного подумал.

Если уж совсем прижмет, я сгоняю домой и стяну у предка немного денег. Как бы ни свирепствовал мой старик, родного сына в кутузку он точно не отправит.

Е Ци:

Не стоит, правда, не стоит.

Предупреждение: в тегах указан стеклянный сюжет, это произведение с главной мужской ролью подчиненного характера, и события поначалу описываются с точки зрения страдающей стороны.

Заклинаю вас на коленях, умоляю: прекратите уже голосить, будто подчиненный — это на самом деле Сун Цзыюй, и рассуждать в духе, что в стеклянных романах страдают только такие персонажи.

Если вас что-то не устраивает — вон крестик в левом верхнем углу. На вкус и цвет товарищей нет, желаю каждому найти чтиво по душе.

Глава 3. Продавать или нет?

Вся недвижимость, автомобили и прочее имущество семьи Е были арестованы, и последние полмесяца Е Ци провел в отеле.

Поужинав вечером с Цзян Суном, Е Ци вернулся в свой номер.

За последние дни накопилось столько забот, что он валился с ног от усталости. Первым делом войдя в комнату, он включил телевизор, чтобы пугающая пустота вокруг наполнилась хоть какими-то звуками.

Бросив пульт на кровать, Е Ци направился в ванную привести себя в порядок, а затем рухнул на матрас и мгновенно провалился в сон.

Рано утром в дверь забарабанили.

Разбуженный стуком, Е Ци поморщился, надавив на пульсирующие виски, и с мрачной тучей на лице поплелся открывать.

На пороге стоял сотрудник отеля в форменной одежде.

Е Ци спросил, в чем дело, и та замялась, с трудом подбирая слова.

Господин Е, приношу извинения за беспокойство, но внизу вас упорно требуют.

Кто?

Сотрудница замялась:

Похоже, они пришли требовать долги. Лучше вам спуститься и взглянуть самим, иначе они так и будут сидеть в вестибюле.

Услышав это, Е Ци почувствовал, как голова заболела еще сильнее.

Хотя Е Ци привык вести разгульный образ жизни и слыл безответственным малым, сейчас речь шла о его личных проблемах, доставлявших неудобства отелю, и отмахнуться он не мог.

Отослав сотрудницу, Е Ци кое-как умылся, переоделся и на лифте спустился на первый этаж в просторный вестибюль.

Стоило выйти из лифта, как до слуха Е Ци донеслись громкие, раздраженные крики.

Да мне плевать, в каком номере живет этот щенок Е Ци! Хватит тут со мной цацкаться, черт возьми!

Простите, мы действительно не имеем права разглашать личные данные гостей.

Пожалуйста, покиньте отель, иначе мы вызовем полицию.

Можете хоть самого нефритового владыку позвать, нам все равно, мы никуда не уйдем!

Если вы откажетесь говорить, я так и засяду здесь! Посмотрим, на сколько вас хватит!

Е Ци проследил взглядом за источником шума: у стойки администратора толпились двое мужчин и женщина.

На вид они напоминали самую обычную семью: простоватый, честный на вид мужчина средних лет, молодая женщина лет двадцати с небольшим, прижимавшая к груди двух-трехлетнюю малышку.

Горланил молодой мужчина — раскрасневшийся, с вздувшимися на шее венами. Выпалив очередную угрозу, он плюхнулся прямо на пол, демонстрируя полное намерение устроить скандал.

Женщина рядом выглядела донельзя смущенной; держа на руках ребенка, она дернула мужа за рукав.

Отец семейства, брось, не мучай ты людей.

Чего брось!

Голос молодого человека взлетел до небек, но тут же оборвался. Спустя мгновение он понуро опустил голову, спрятав лицо в ладонях, а из горла вырвался сдавленный, глухой всхлип.

Да кто не хочет жить по-человечески? Но у нас просто нет выбора, совсем нет...

У нашей дочурки лейкоemia. Мы с моим отцом и женой пахали на стройке, а после смены бегали подрабатывать где придется, спали меньше пяти часов в сутки — все ради того, чтобы собрать деньги ей на лечение!

А теперь семья Е разорилась, и этот бессовестный босс, у которого водятся деньги, под предлогом того, что ему не перечислили остаток по контракту с корпорацией Е, уже полгода умышленно задерживает нашу зарплату и ничего не выплачивает!

А ведь это деньги на спасение моей дочки... Мы бы ни за что не пришли сюда, если бы остался хоть какой-то выход...

Глаза женщины тоже покраснели, и она крепче прижала к себе спящую кроху.

Мужчина средних лет помрачнел лицом и тяжело, безмолвно вздохнул.

Неподалеку Е Ци молча наблюдал за этой сценой и в конце концов сделал шаг навстречу несчастной семье.

Вставайте. Сегодня же вы получите свои деньги.

У Е Ци еще оставалась некоторая сумма — всего несколько десятков тысяч, да плюс деньги, присланные Цзян Суном. Он снял все подчистую.

И все равно не хватало.

Стоя перед банкоматом и глядя на унылые нули на балансе, Е Ци был готов отвесить себе затрепину за вчерашнее фальшивое благородство. Знал бы — принял банковскую карту Цзян Хуайнин, от него бы не убудет.

Он отдал семье все наличные, велел везти ребенка в больницу и пообещал как можно скорее раздобыть остаток.

Хотя те не слишком-то верили его словам, иного выхода у них не оставалось. Обменявшись контактами, они забрали деньги и ушли.

Е Ци проводил взглядом удаляющуюся семью. Он так и стоял на месте, совершенно не представляя, куда теперь податься.

Внезапно чья-то холодная рука бесшумно скользнула ему на шею — словно скользкая, ядовитая змея, высунувшая раздвоенный язык.

<http://bllate.org/book/25527/3045441>